

ШАРЛЬ БОДЛЕР

*Перевод с французского Вадима Алексеева **

Воспарение

Там, внизу — облака, там, внизу — города,
Горы, реки, озера — плывут как во сне.
Здесь — сияющий диск в фиолетовой тьме,
Здесь в эфире, летит за звездою звезда!

Мой рассудок, ты мечешься, как на костре,
То как смелый пловец — тебе все нипочем! —
Ты ныряешь во мрак, раздвигая плечом
Глубину бытия в сладострастной игре!

Унеси меня прочь! Эта жизнь — как миазм,
Дай отмыться от дрязг в просветленной струе,
Дай глотнуть леденящее грудь питье,
Голубой эликсир, рвущий горло до спазм!

Позади суета ежедневных сует
Волочится за жизнью чугунным ядром,
Счастлив тот, кто рванулся упругим крылом
И вознесся к полям, излучающим свет!

Тот, чьи мысли легко, словно стаи стрижей.
К небесам направляют свободный полет,
Кто как бог, воспарив, вдохновенно прочтет
Откровенья цветов и безмолвных вещей!

* ШАРЛЬ БОДЛЕР — Стихи (*Перевод с французского Вадима Алексеева*) // Алексеев В.В. *Album Rotaput: Коллекция переводов* (М.: Прометей, 1989), с. 15–36, 83–86.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://www.imwerden.de>

Предсуществование

Я долго жил в дворцах, исполненных дремоты,
Где бликов золотых слепящие рои
Меж мощных колоннад сверкали в забыты
И в сумерках цвели базальтовые гроты.

И волны, преломив хрустальные струи,
Торжественно влекли падения и взлеты,
Сплавляя в зыбкой мгле таинственные ноты
С закатом, чьи огни зажгли зрочки мои.

О да, я долго жил роскошно и устало
Среди спокойных грез и медленных услад,
И голые рабы, ища мой скорбный взгляд,

Мне освежали лоб, качая опахала,
Стараясь с каждым днем все глубже проникать
В мучительный секрет, мне данный, чтоб страдать.

Соответствия

Природа — древний храм, где строй живых колонн
Обрывки смутных фраз роняет временами,
Мы входим в этот храм в смятенье, а за нами
Лес символов немых следит со всех сторон.

Как эха длинный вопль, блуждающий по кругу
В бездонной пустоте среди безмолвных гор,
Сливается с другим, так, словно зыбкий хор,
В нас запах, звук и цвет отвечают друг другу.

Есть запах чистоты. Он пахнет, как дитя,
И зелен, как трава, и тих, как зов гобоя;
Но много есть иных, развратных, что шутя

Способны расколоть сознание любое!
Так ладан и сандал, так мускус и бензой
Влекут лавины чувств и мыслей за собой.

Враг

Моя юность прошла, словно буря над садом!
В блеске призрачных солнц этот бешеный шквал
Сразу весь урожай погубил своим градом
И с деревьев листву, искромсав, посрывал.

Вот и буре конец. Только я уже вряд ли
Соберу в том саду золотые плоды,
Надо землю ровнять, брать лопату и грабли,
Но воздаст ли Господь за благие труды?

И найдут ли — как знать? — новых мыслей растенья
Нежный сок, что весной возбудит их цветенье
В почве, вымытой словно песок у реки?

Время точит наш дух, и мы стонем от боли,
А невидимый Враг, всем мольбам вопреки,
Жрет и жрет нашу плоть, свирепея все боле.

Неудача

Опять твой путь тернист и крут,
Сизиф! И пытка бесконечна,
Лишь с ней сравним мой тяжкий труд.
Жизнь коротка, Искусство — вечно.

Поэта сердце, что стучит,
Гремя, как барабан дырявый,
К погосту проклятому мчит
Прочь от гробниц, увитых славой.

Не счесть сокровищ под землей,
Они лежат, объаты мглой,
Их землекопы не отроют.

Опять цветы на склонах гор,
Ничей не вдохновляя взор,
Бутоны нежные раскроют.

Балкон

Мать воспоминаний, нежная из нежных,
О тебе все мысли, о тебе мечты,
Сколько провели мы вместе безмятежных
Вечеров сердечных, помнишь, я и ты?
Мать воспоминаний, нежная из нежных.

Розовели угли, меркнули огни.
Вечер на балконе. Сколько вожделенных
Унеслось мгновений! Где теперь они?
Мы тогда сказали столько слов нетленных!
Догорали угли, меркнули огни.

Как прекрасен вечер в сумраке закатов,
Как бездонно небо, как сильна любовь!
Над тобой склоняясь, ангел ароматов,
Я вдыхал, казалось, с ними твою кровь.
Как прозрачен вечер в сумраке закатов.

Я искал во мраке твой спокойный взгляд,
Два зрачка огромных в темноте кромешной,
Пил твое дыханье! О восторг! О яд!
Обнимал колени с нежностью безгрешной,
Я искал во мраке твой спокойный взгляд.

Я легко сумел бы воскресить бывшее,
Каждый миг счастливый воссоздать бы мог,
Идол незабвенный, существо родное,
Я провел бы вечность вновь у твоих ног,
Я легко сумел бы воскресить бывшее.

Только если время мчится все быстрее,
Возвратит ли бездна то, что поглотила,
Возродится ль снова из глубин морей
Утренней зарею ясное светило,
Даже если время мчится все быстрее?

Необратимость

Ангел, славящий жизнь, вам знакомы страдания?
Скорбь, отчаянье, страх, если, стиснув виски,
Проклинаешь весь мир от бессильной тоски?
А гримасы стыда, а ночные рыдания?
Ангел, славящий жизнь, вам знакомы страдания?

Ангел братской любви, вы взывали к отмщению?
Если, сжав кулаки от жестоких обид,
Человек небесам равнодушным грозит,
Отвергая того, кто призвал к всепрощению?
Ангел братской любви, вы взывали к отмщению?

Ангел добрых надежд, вы бывали в больницах,
Где свирепствует смерть? Вас бросало в озноб
От испуга, когда света жадного сноп
Восковой желтизной застывает на лицах?
Ангел добрых надежд, вы бывали в больницах?

Ангел вечной весны, вас пугали морщины?
Если старость пришлет эту черную весть,
Вам достанет ли сил, чтоб однажды прочесть
В ненаглядных глазах сострадание мужчины?
Ангел вечной весны, вас пугали морщины?

Ангел всех совершенств, целомудренный гений,
Царь Давид захотел, прежде чем умереть,
Рядом с телом твоим свои мощи согреть,
Я же, грешный, прошу только кротких молений!
Ангел, славящий жизнь, да святится твой гений!

* * *

Тебе мой гордый стих! Коль с именем моим
К брегам иных эпох, к благословенным склонам
Он счастливо дойдет, гонимый Аквилоном,
На белых парусах, как чудный серафим!

Потомкам о тебе напомнит мерный ритм,
Унылый, как тамтам. Ты, жившая когда-то,
В читательских умах останешься распята,
Повиснув на цепях моих волшебных рифм.

Проклятая, пойми, что в этом мире пошлом
Никто и никогда, ни в будущем, ни в прошлом
Тебя бы не вознес над смертною толпой!

Бронзоволикий бог, немое изваянье,
Сей мир поправшее бесплотную стопой,
В агатах глаз твоих победное сиянье!

* * *

О, что нам ей сказать, душа моя, сегодня,
Найдешь ли ты теперь высокие слова
Для той, на чьем челе печать лежит господня,
Для той, что дарит свет, которым ты жива?

Мы скажем: «Пред тобой все сущее греховно,
Святая, помолись когда-нибудь за нас,
Ты пахнешь ангелом и плоть твоя духовна,
Мы славим чудный свет твоих пречистых глаз!»

На улице, в толпе, где гам и мельтешенье,
Взывает к страждущим, что жаждут утешенья,
Твой Призрак, сотканный из ясного огня:

«Вселенная любви воистину бездонна!
Любите же добро! Послушайте меня!»
О ангел ласковый, о муза, о Мадонна!

Гармония вечера

Померк алтарь небес, и в час богослуженья
Торжественно зажглись кадилаицы-цветы,
Сквозь звуки аромат плывет из темноты,
Меланхолический вальс и томное круженье.

Торжественно зажглись тяжелые цветы,
И скрипки нежный стон дрожит в изнеможенье,
Меланхолический вальс и томное круженье,
Как много в небесах печальной доброты.

И скрипки нежный стон дрожит в изнеможенье,
А в робком сердце страх бездонной пустоты,
Как много в небесах печальной доброты,
Где тонет хладный диск в кровавом изверженье.

А в робком сердце страх бездонной пустоты,
Былого алый свет собрал все отраженья,
Где тонет хладный диск в кровавом изверженье:
Во мне блестит фиал, где спят твои мечты.

Приглашение к путешествию

О сестра, давай
Умчимся в тот край,
Где бесконечно блаженство,
Край волшебных грез,
Где не будет слез,
Где все, как ты, совершенство!
Солнца влажный блеск
И каналов плеск,
И черный плен глаз коварных
Оплели мой ум
Обаяньем дум,
Таинственных и лучезарных!

Край, где царит чистота,
Мир, свет и красота!

Там пышный покров
Из пестрых ковров
Наши украсит покои,
Там всюду цветы
Неземной красоты
Расставлены нежной рукою,
Там роскошь зал,
Глубина зеркал,
Прелесть, лоск и сиянье,
Там в светлой тиши
Все тайны души
В едином пребудут слиянье!

Там, где царит чистота,
Мир, свет и красота!

Хочешь — корабли,
Что в гавань зашли
Из дальних стран, — без промедленья
Выполнят сейчас
Любой твой приказ
И ждут твоего повеленья!
А вокруг закат,
Золотой каскад,
Весь в гиацинтовых отсветах,
Город затопил,
Который застыл
В глазах твоих, счастьем согретых,

Там, где царит чистота,
Мир, свет и красота!

Парижский сон

I

Пейзаж чудовищно-прекрасный,
Холодный, мертвый, неземной,
Мираж бездушный и ужасный
Был порожден сегодня мной.

Я истребил без снисхожденья
В нем все деревья — для того,
Чтобы живые насажденья
Не безобразили его.

Но, сладким мучимый соблазном,
Я изошренно сочетал
В его строю однообразном
Лишь воду, мрамор и металл.

Фонтаны, лестницы, аркады,
То был роскошный Вавилон,
Где в бездну рушились каскады
И рдело золото колонн.

И, низвергая вал за валом,
Весь в бриллиантовом огне,
Поток прозрачным покрывалом
Скользил по бронзовой стене.

Там, где литые колоннады
Застыли в зеркале воды,
Окаменелые наяды
Глядели в мертвые пруды.

Там камнем розово-зеленым
Свои оправив берега,
Текла к пределам отдаленным
Искристо-синяя река.

Там все являло откровенье,
Я мнил немое торжество
Зеркал, ослепших на мгновенье
От отраженья своего!

Там, в вышине, из урн бездонных
Срывались в пропасть предо мной
Лавины Гангов монотонных
Необозримою стеной.

Там, жертва собственных экстазов,
Впав в упоительный обман,
Я взором в бездну из алмазов
Обрушил бурный океан!

Везде глаза мои встречали
Отдохновенье и привет —
Там даже черный цвет печали
Мне излучал незримый свет.

Тот мир ни солнцем, ни луною
Не озарялся, ибо в нем
Все, что простерлось предо мною,
Светилось собственным огнем!

Я созерцал свои владенья,
Но что за сон приснился мне?
О ужас! Все мои виденья
Сменялись в мертвой тишине!

II

Открыв глаза, я вдруг проснулся.
Но, отрешась от забвения,
Я тотчас вновь соприкоснулся
С угрюмой прозой бытия.

Часы, охрипшие от боя,
Уже рекли средину дня,
И безразличие тупое
Вновь переполнило меня.

Смерть влюбленных

Мы уснем вдали от забот мятежных
Самым кротким сном в самый светлый час,
И под томный вальс ароматов нежных
Всех времен цветы расцветут для нас.

И огнем живым вглубь миров безбрежных
Побежит легко, как в последний раз,
Бесконечный ряд отражений смежных
Между двух зеркал наших ясных глаз.

В синей мгле закат догорит, печальный,
Мой недвижимый взгляд, словно крик прощальный,
Твой застывший взор отразит светло,

А потом войдет Ангел новой встречи,
Он прикроет дверь, и протрет стекло,
И засветит вновь в нашей спальне свечи.

Сосредоточение

Ну полно, Боль моя, уймись и будь послушной,
Довольно! Отвернись от мерзостей людских.
Уж Вечер близится, неся в наш город душный
Забвенье — для одних, заботы — для других.

Опять на гнусный пир, бессовестный и скучный,
Пускай рабы Страстей разнузданных своих,
Безумные, бегут толпою малодушной!
О Боль моя, дай руку мне, уйдем от них

Подальше. Посмотри — в одеждах алых Годы
Склонились над водой с балконов небосвода,
Вот отблеском косым прощального луча

В портале траурном Закат померкнул пышно,
И, саван черный свой с Востока волоча,
К нам бархатная Ночь спускается неслышно.

Лесбос

Эту землю воспеть повелела мне Муза.
Лесбос! Остров любви, где под сенью дерев
Поцелуи свежи, словно мякоть арбуза,
На невинных устах целомудренных дев,
Эту землю воспеть повелела мне Муза.

Там срываются вниз поцелуев каскады
И летят с высоты, чтобы с ревом упасть
В вожделенный провал, как бездумное стадо,
И на миг утолить воспаленную страсть,
Там срываются вниз поцелуев каскады.

Там ничей еще вздох не остался без эха,
Рай, где Фрины Харит настигают легко,
Где Венера сама среди плясок и смеха
Пожалеть бы могла, что она не Сафо,
Там ничей еще вздох не остался без эха.

Круглый год там трава зелена и упруга,
И прозрачна вода, и дубрава густа,
Там подругу, смеясь, обнимает подруга,
И глядит ей в глаза, и целует в уста,
Круглый год там трава зелена и упруга.

Пусть же старый Платон хвалит строгие нравы,
Лесбос, царь всех царей, как легка твоя власть,
Ты снимаешь запрет на священное право
Совершенствовать культ, изощряющий страсть,
Пусть же старый Платон хвалит строгие нравы.

Ты умеешь прощать добровольную пытку,
Чей оплот нерушим в горделивых сердцах,
И низводишь на нет в них любую попытку
Обрести благодать на иных небесах,
Ты умеешь прощать добровольную пытку.

Лесбос, кто из богов осудить тебя смеет?
Твой удел без того непомерно жесток,
Даже тысячи солнц иссушить не сумеют
Твоих пролитых слез светоносный поток,
Лесбос, кто из богов осудить тебя смеет?

О подруги Сафо, нет ни Ада, ни Рая,
Так не бойтесь греха, возликуйте же вновь.
Ваша вера чиста, как любая другая,
И над миром еще посмеется любовь!
О подруги Сафо, нет ни Ада, ни Рая.

Жрицы тайной любви, по велению долга
Я слагаю вам гимн, искупающий грех,
Ваш зловещий восторг мне знаком уже долго,
В нем сквозь слезы звучит необузданный смех.
Я слагаю вам гимн по велению долга.

И с тех пор я стою на вершине Левката,
Как дозорный солдат, что, вперя свой взор
В неоглядную даль, от зари до заката
Провожает мечту в безвозвратный простор,
И с тех пор я стою на вершине Левката.

Чтоб узнать, всем ли смерть принесет утешенье,
В час, когда скорбный диск над волнами застыл,
Лег на берег любви, что дарует прощенье,
Труп прекрасной Сафо, труп, который уплыл,
Чтоб узнать, всем ли смерть принесет утешенье.

Прекрасный труп Сафо, любовницы, поэта,
Покинувшей скорбей непрочную юдоль!
Синий взор сокрушен взором черного цвета,
Чей сумеречный круг перечеркнула боль
Поруганной Сафо, любовницы, поэта.

Сафо, что отдалась на скотское глумленье
Надменному самцу, чей похотливый взор
Невинную толкнул на клятвопреступленье,
Да смочет Океан чудовищный позор
Сафо, что отдалась на скотское глумленье!

Так славься же в веках, соперница Венеры,
Чьей прелестью весь мир подлунный осиян,
Пускай ты умерла во имя древней веры,
Тобою восхищен великий Океан!
Так славься же в веках, соперница Венеры!

Только Лесбос с тех пор оглашают рыданья,
И, не внемля хвале, что звучит в его честь,
Древний остров любви источает страданье,
И возносится ввысь безутешная весть,
Только Лесбос с тех пор оглашают рыданья.

Комментарий

Предсуществование

Существует много истолкований этого сонета. Одни видят в нем отклик на пифагорейское учение о переселении душ, другие, например, Н.И. Балашов, прочитывают сонет как «отход поэта от поверхностных моментов прошлого этапа романтизма». В моем понимании (ни в коем случае не исключая другие) Бодлер здесь перевыражает высказанную впервые Августином мысль о том, что всякое знание есть воспоминание. Эта версия подтверждается прочтением скрытой метафоры (восьмой стих), где глаза неявно сравниваются с зеркалами. Так, в оригинале оборот *REFLETES PAR MES YEUX* можно перевести как *(Цвета заката), ОТРАЖЕННЫЕ В МОИХ ГЛАЗАХ* и как (...), *ОТРАЖЕННЫЕ МОИМИ ГЛАЗАМИ*. В переводе эта амфиболия передана двойным управлением глагола «зажгли». В сонете, таким образом, описывается «отражающее порождение» предсуществующей реальности.

Неудача

Попав в Аид, коринфский царь Сизиф упробил Плутона отпустить его назад к людям, чтобы навестить жену, не воздавшую умершему посмертные почести. Но Сизиф не сдержал слова и не возвратился в царство мертвых, за что, после того как он прожил вторую жизнь и снова попал в Аид, Плутон наказал обманщика вечным тяжким и безрадостным трудом: едва Сизиф вкатывал на вершину скалы огромный камень, как глыба скатывалась к подножью — и все повторялось сначала.

Тема скалы и отколовшегося от нее камня, звучащая в сонете, имеет параллели в библейской мифологии. Когда Моисей вел свой народ через пустыню, кончилась вода. Общество, возроптав, стало укорять предводителя за то, что он увел соплеменников из Египта. И тогда Моисей услышал глас Господен, чтобы он попросил скалу, и скала даст из себя воду. Пророк ударил жезлом о скалу — и потекло много воды, и все напились (Числа 20:2). Камень, который откололся при этом от скалы, в христианстве символизирует Иисуса Христа и Новый Завет. Так, в «Литургическом богословии» поется: «Камень нерукосечный от несекомья, горы Тебе, Дево, краеугольный отсечся, Христос, совокупивый расстоящаяся естества, тем, веселяся, Тя, Богородицу, величаем» (Октоих, Канон, 4 глас, 9 песнь).

Миф о Сизифе в контексте мифа о Моисее приобретает неожиданный символический смысл: камень, который Сизиф вкатывает на вершину скалы, из символа веры превращается в орудие пытки.

Сравнивая творческий акт с сизифовым трудом, Бодлер как бы полагает, что всякое произведение искусства заведомо несовершенно. В этом смысле несовершенно и само стихотворение «Неудача». Однако явные изъяны — композиционная невыстроенность, алогичность образных переходов — как раз подтверждает концептуальный смысл сонета: если эти «изъяны» допущены поэтом намеренно, то является ли «Неудача» неудачей?

Кстати, Брюсов назвал этот сонет «самым заносчивым» стихотворением Бодлера.

Балкон

Во французском языке обращение, начинающееся со слова *MERE* («Мать»), скорее всего будет молитвой к Богородице. В интонацию молитвы окрашено все стихотворение. Однако французы лишь в исключительных случаях допускают употребление оборота *MERE DE DIEU* («Мать Божья»), так как он паронимически ассоциируется со словом *MERDE* (груб. — «испражнение»). Бодлер намеренно употребляет в начале стихотворения именно этот оборот, соединяя низменное и возвышенное, ненависть и любовь.

Приглашение к путешествию

В ритмических рядах оригинала закодировано числовое отношение, основанное на пропорции «золотое сечение»: 5:8:13:21.

В оригинале ритмическое варьирование осуществляется за счет выпадения в четырнадцатом и двадцать первом стихах немого «e», что укорачивает их на один слог. В своем переводе я постарался воссоздать именно ритмическое своеобразие этого стихотворения.

Парижский сон

В поэме есть прямая образная цитата из Откровения святого Иоанна Богослова, где в 21-й главе описывается Новый Иерусалим: «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец».

Смерть влюбленных

Сюжет стихотворения связан со старинным гаданием с помощью двух свечей и двух зеркал. На аналогичную тему написано несколько стихотворений и в русской поэзии, например, «Зеркало к зеркалу, с трепетным лепетом...» А. Фета.